

Следует остановиться на упомянутых Киннамом именах русских князей. Это, во-первых, имя Ростислава, который трижды назван правителем Руси¹³¹ и о котором Киннам говорит, что он клятвой подтвердил свое согласие оказать Византии помощь против Венгрии¹³². Это позволяет видеть в упомянутом Ростиславе великого князя киевского Ростислава Мстиславича, а также судить о том, что его отношения с Византией, которые были натянуты в начале его правления, впоследствии изменились к лучшему. Но Киннам упоминает и другого князя по имени Примислав, о личности которого развернулись споры. Сложность этого вопроса порождена беспорядочностью изложения Киннама. Вначале он упоминает о Примиславе, у которого посол заручился согласием выставить вспомогательное войско, затем — о Ростиславе Киевском, вслед за этим — о Ярославе Осмомысле, которого послу удалось отвратить от союза со Стефаном Венгерским, и сразу же после этого идет сообщение, что Примислав согласился отказаться от союза с Венгрией¹³³. Вполне убедительным представляется нам предложение, что Киннам или его копиист в последнем случае допустили простую опечатку, назвав Ярослава Примиславом, и что Ярослава с Примиславом отождествлять никак нельзя. Однако С. П. Шестаков воспользовался этим обстоятельством, чтобы предложить свою конъектуру этого имени: Примислав = Пьрвослав = Ярослав. На этом основании он в Примиславе, упомянутом в первом случае, (согласившемся выставить вспомогательное войско), также видит Ярослава и выдвигает версию о дружественных отношениях между Византией и Галицкой Русью около 1165 г.¹³⁴

Это мнение нам кажется малообоснованным, ибо в Примиславе, упомянутом в начале рассказа у Киннама, гораздо естественнее видеть Мстислава Изяславича Волынского, как это уже предполагалось в литературе¹³⁵.

У Киннама есть еще одно упоминание о русских князьях. Он сообщает о приходе в Византию около 1165 г. некоего „владельца Тавроскифии“ Владислава¹³⁶, которому была пожалована придунайская область, ранее бывшая в распоряжении другого русского князя-эмигранта, Василько, „сына Георгия“ (*Βασίλικα... τῷ Γεωργίου παιδὶ*)¹³⁷. Личность Владислава определить не удастся, но имя Василько известно из русской летописи, которая фиксирует факт бегства на Дунай сыновей Юрия Долгорукого¹³⁸.

нарочно выбрали в качестве посла, чтобы вернуть будущего императора в Византию: в действительности за Андроником в 1165 г. были посланы два митрополита, как об этом говорит „Ипатьевская летопись“.

¹³¹ Сinп., р. 232.5.: ἀρχοντα... τῶν ταυροσκηθῶν. Сinп., р. 235.4, 236.8: ἡγεμονέωον. То, что Киннам упоминает его имя в трех разных местах, объясняется, по мнению К. Я. Грота, недоразумением.

¹³² Сinп., р. 236.9.

¹³³ Ibid., р. 235.1—236.3.

¹³⁴ С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 379—381. В литературе принято мнение, что византино-галицкие отношения при Ярославе серьезно ухудшились.

¹³⁵ См. К. Я. Грот. Ук. соч., стр. 330; G. Vernadsky. Op. cit., р. 271. В. Мошин обосновывает гипотезу о Мстиславе Волынском указанием на то, что это был один из самых крупных русских князей (после смерти Ростислава в 1169 г. он занял киевский престол), к тому же в какой-то мере связанный с Византией: он дважды охранял от половцев византийских купцов на Днепре (ук. соч., стр. 53).

¹³⁶ Сinп., р. 236.20.

¹³⁷ Ibid., р. 236.23.

¹³⁸ „... Том же лете идоша Гюргевичи Царюгороду, Мстислав и Василко с матерью... и дасть царь Василкови в Дунай города...“ („Ипатьевская летопись“, под 1162 г.).